

Мирбо Октав

Себастьян Рок

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
О-52

О-52 **Октав М.**
Себастьян Рок / Мирбо Октав – М.: Книга по Требованию, 2025. – 274 с.

ISBN 978-5-519-96722-8

ISBN 978-5-519-96722-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ніе іезуитамъ своего одиннадцатилѣтняго сына Себастьяна. Онъ рѣшилъ, впрочемъ, сначала посовѣтоваться относительно этого дѣла съ приходскимъ священникомъ, который, конечно, горячо одобрилъ его намѣреніе.

— Чортъ возьми, господинъ Рокъ! Да знаете ли, вѣдь вамъ пришла въ голову блестящая идея! Вы понимаете, что значить окончить такое заведеніе! Это вѣдь... Оттуда выходить... Это, чортъ возьми..!

И, закончивъ присвистомъ свое любимое восклицаніе, онъ сдѣлалъ въ воздухѣ широкій величественный жестъ.

— Ахъ, Боже мой, я это отлично понимаю, — согласился г. Рокъ, воспроизводя жестъ священника въ увеличенномъ масштабѣ. — Кому вы это говорите?.. Да, но это все-таки дорого стоитъ, черезчуръ дорого...

— Черезчуръ дорого? — подхватилъ священникъ. — Ахъ, чортъ!.. Вы слушайте... Вся знать... всѣ сливки общества!.. Это не какая-нибудь шушера, господинъ Рокъ! Іезуиты... чортъ возьми... да ихъ нельзя даже ни съ кѣмъ и сравнивать... Я, напримѣръ, зналъ генерала и двухъ епископовъ... И они вышли оттуда, да! А маркизы, любезный другъ, которыхъ тамъ хоть прудъ пруди! Вы понимаете, такія вещи на улицѣ не валяются — за нихъ нужно платить!..

— Чортъ побери! да вѣдь я отъ этого и не отказываюсь, — возразилъ г. Рокъ, ошеломленный. — Понятно, за это нужно платить!

И прибавилъ чванливо:

— Впрочемъ, что жъ тутъ особеннаго? Вѣдь въ концѣ-концовъ, если сказать на чистоту, я и самъ такъ поступаю, г. священникъ... Хорошую лампу вѣдь я продаю дороже, чѣмъ плохую, не правда ли?

— Ну, въ томъ-то и дѣло! — заключилъ священникъ, одобрительно похлопывая г. Рока по плечу. — Вы, мой дорогой сынъ, попали въ самую сущность вопроса. Іезуиты!.. Чортъ!.. Это не что-нибудь!..

Они еще долго потомъ гуляли подъ липами у дома священника — обсуждали, раздумывали, предуготовляя блестящую будущность для Себастьяна. Солнечные лучи играли, проникая сквозь листву, на травѣ, на ихъ одеждѣ... Въ воз-

духъ было душно, жарко. Они медленно прохаживались, заложивъ руки за спину, останавливались чрезъ каждые пять шаговъ, раскраснѣвшіеся, возбужденные своими грандіозными мечтами. За ними по пятамъ бѣгала собачонка, прихрамывая и высунувъ языкъ.

Г. Рокъ повторилъ:

— Если держаться за іезуитовъ, можно съ увѣренностью сказать, что сдѣлалась карьеру...

На что священникъ восторженно отвѣчалъ:

— И еще какую! Вѣдь у іезуитовъ руки доходятъ до всего. Невозможно даже себѣ и представить!..

И прибавилъ конфиденціально, голосомъ, дрожащимъ отъ раболѣпства и восхищенія:

— И знаете еще что?.. Говорятъ, что они вертятъ самимъ папою!.. Такъ-таки и вертятъ!

Ребенокъ, ради счастья котораго сочинялись всѣ эти великолѣпные проекты, былъ прелестный бѣлокурый мальчикъ, здоровый, выросшій на чистомъ воздухѣ, подъ солнечными лучами, обладатель правдивыхъ ясныхъ глазъ, свѣтившихся дѣтскою безмятежностью. Гибкій, рѣзвый и свѣжій, онъ походилъ на молоденькое деревцо, питающееся соками родной плодородной почвы, и во всей его открытой, чистосердечной натурѣ было что-то общее съ жизнью растенія... Въ школѣ, которую онъ посѣщалъ съ пятилѣтняго возраста, его не научили ничему, кромѣ какъ бѣгать, играть да быть здоровымъ. Уроки онъ училъ наскоро и быстро ихъ позабывалъ. Ученіе вообще было для него механическимъ, почти физическимъ упражненіемъ и не пробуждало въ немъ никакихъ умственныхъ и духовныхъ запросовъ. Онъ любилъ валяться на травѣ, лазить на деревья, ловить рыбу. Вся природа представлялась ему огромнымъ полемъ забавъ и развлеченій. Отецъ его, всецѣло поглощенный обширными деталями бойкой торговли, не имѣлъ времени заниматься его духовнымъ развитіемъ; впрочемъ, онъ объ этомъ мало беспокоился и предпочиталъ въ свободное время разглагольствовать съ сосѣдями, собиравшимися у дверей лавки. Напыщенный, изощрившійся въ безтолковыхъ, дурацкихъ разговорахъ на раз-

ныя отвлеченныя темы, онъ никогда не снисходилъ до наивной любознательности ребенка. Пужно тутъ же сказать, что это былъ самый нелѣпый человѣкъ въ мірѣ, потому что его невѣжество равнялось его претензіямъ, а послѣднія были безконечны. Однажды во время грозы Себастьяну вздумалось спросить, что такое громъ. „Это Господь Богъ гнѣвается“, объяснилъ г. Рокъ, застигнутый врасплохъ неожиданнымъ вопросомъ. Для всѣхъ остальныхъ вопросовъ, могущихъ обнаружить его невѣжество, онъ имѣлъ всегда наготовѣ неизмѣнный афоризмъ: „Мальчику твоего возраста не слѣдуетъ знать этихъ вещей“. Себастьянъ не настаивалъ, не обнаруживалъ стремленія докопаться до сути вещей или продолжать экскурсіи въ область морали и возвращался къ своимъ играмъ, не пытаясь больше познать то, „чего ему не слѣдуетъ“. Благодаря этимъ условіямъ, умъ его оставался въ дѣвственномъ состояніи, хотя онъ уже достигъ возраста, когда голову ребенка начинаютъ засорять сентиментальной ложью, предрасудками и другими пустяками, составляющими предметъ домашняго воспитанія. Гораздо успѣшнѣе шло его физическое развитіе; румянецъ окрашивалъ его лицо въ яркій цвѣтъ; члены пріобрѣли гибкость отъ постоянного движенія, а въ его невинныхъ, чистыхъ глазахъ отражались глубина и непосредственность, какъ во взглядѣ маленькаго животнаго. Но въ городѣ его считали „отсталымъ“ ребенкомъ для сына такого умнаго, освѣдомленнаго и богатаго человѣка, какъ г. Рокъ, и даже находили это большимъ несчастьемъ. Но очевидно отца это мало тревожило. Ему даже не приходила въ голову мысль, что его сынъ, плоть отъ его плоти, можетъ оказаться недостойнымъ своего родителя и не выполнить выпавшей на его долю блестящей миссіи.

— Какъ меня зовутъ?—спрашивалъ онъ время отъ времени, глядя прямо въ глаза Себастьяну повелительнымъ взоромъ.

— Жозефъ, Ипполитъ, Эльфежъ, Рокъ,—отвѣчалъ мальчикъ заученнымъ тономъ.

— Всегда помни это... Безпрестанно повторяй въ умѣ мое имя, имя Роковъ... и все будетъ хорошо. Повтори еще.

И мальчуганъ повторялъ скороговоркой, наполовину проглатывая слова:

— Ж'зефъ... п'литъ... фежъ Рокъ!

— Вотъ такъ... отлично!—одобрялъ г. Рокъ, въ восторгѣ отъ звука имени, которое казалось ему великолѣпнымъ и чудодѣйственнымъ, точно талисманъ.

Г. Рокъ имѣлъ на улицѣ, носившей названіе Парижской, домъ, который можно было узнать по его двумъ этажамъ и магазину, выкрашенному въ темно-зеленую краску, съ красными полосками. За стекломъ витринъ сверкали мѣдная посуда, фарфоровыя лампы, бронзированные насосы съ каучуковыми трубками, свернутыми въ гирлянды; все это вмѣстѣ съ металлическими вѣнками, кружевными абажурами, кожаными мѣхами съ позолоченными гвоздями представляло соблазнительное и эффектное зрѣлище. Владѣлецъ чрезвычайно гордился этимъ домомъ—единственнымъ двухъэтажнымъ, крытымъ черепицей, на всей улицѣ; магазинъ также составлялъ предметъ его тщеславія—единственный во всемъ мѣстечкѣ, съ великолѣпной вывѣской рельефными золотыми буквами по черному полю. Сосѣди завидовали величественному и комфортабельному виду, который придавали зданію фасадъ, выкрашенный поштукатуркѣ въ два тона желтой краской, и окна, украшенные вычурными лѣпными карнизами. Вообще домъ составлялъ гордость всего мѣстечка. Г. Рокъ, нужно сказать, былъ не „кто-нибудь“ и считался украшеніемъ округи благодаря своей личности и этому замѣчательному дому. Въ Первешерѣ онъ занималъ выдающееся положеніе. Его репутація богатаго человѣка, его ораторскія способности и правдивѣрность сужденій подымали его репутацію высоко надъ репутаціей простаго торговца. Горожане водили съ нимъ компанію, не боясь себя уронить; даже высшія должностныя лица охотно останавливались у дверей лавки и бесѣдовали съ нимъ какъ съ „равнымъ“; каждый, смотря по положенію, старался выказать ему фамиллярную симпатію или глубочайшее уваженіе.

Г. Рокъ былъ большой, круглый человѣкъ, весь обложенный розоватымъ жиркомъ, съ маленькимъ черепомъ и пло-

скимъ лоснящимся лицомъ. Прямая линія лба заканчивалась у него безъ всякихъ отклоненій и переходовъ носомъ, выпавшимся посреди щекъ съ геометрической вертикальностью. Пушистая борода соединяла бахромой оба уха, огромная, мягкія и отвислая, похожія на лопухи. Глаза, глубоко уходящіе въ мясистыя вѣки, выражали тупоуміе, консерватизмъ и какое-то животное спокойное упрямство, ограничившее иногда съ своеобразнымъ достоинствомъ. Это тупое спокойствіе, эта самоувѣренная величественность жвачнаго животного очень импонировали въ немъ людямъ, олицетворявшимъ въ этихъ чертахъ породу, характеръ и силу. Впрочемъ, помимо всѣхъ своихъ физическихъ достоинствъ, г. Рокъ стяжалъ всеобщес уваженіе еще и тѣмъ, что, упорно читая газеты и юридическія книги, онъ брался объяснить все что угодно, повторяя въ сильно извращенномъ видѣ затверженныя банальныя фразы, которыхъ ни онъ, ни его слушатели не понимали, но которыя, несмотря на это, производили на послѣднихъ огромное впечатлѣніе.

Бесѣда съ священникомъ сильно подѣйствовала на г. Рока. Весь день онъ былъ настроенъ серьезнѣе обыкновеннаго, озачинченъ; противъ обыкновенія его отвлекали отъ дѣла тысячи безпокойныхъ мыслей, копошившихся въ его тѣсномъ черепѣ. Вечеромъ, послѣ обѣда, онъ велѣлъ маленькому Себастьяну остаться при немъ и долго глубокомысленно наблюдалъ его исподтишка, не произнося при этомъ ни слова. И только на другой день онъ рѣшился сообщить нѣкоторымъ вліятельнымъ кліентамъ конфиденціально: „Можетъ быть, здѣсь скоро произойдетъ важное событіе. Приготовьтесь къ большой новости“ Это было настолько загадочно, что заинтригованныя лица, вернувшись къ себѣ домой, начали строить самыя невѣроятныя предположенія. Изъ дома въ домъ прошелъ слухъ, что г. Рокъ собирается вторично жениться. Онъ принужденъ былъ опровергнуть это лестное недоразумѣніе и посвятить обитателей Первеншера въ свои планы. Къ тому же хотя онъ и любилъ возбуждать общественное любопытство посредствомъ намековъ, дѣлавшихъ центромъ вниманія его особу,

но въ то же время не умѣлъ долго хранить тайну, раскрытіе которой было для него выгодно. Послѣ того какъ онъ все разсказалъ, онъ прибавилъ:

— Это еще не болѣе какъ проектъ... ничего опредѣленнаго... Я еще только обдумываю, выбираю, взвѣшиваю...

Два властныхъ довода склоняли его въ сторону этого „раззорительнаго“ рѣшенія: во-первыхъ, привилегіи, которыя его сынъ получить отъ воспитанія въ коллежѣ, и во-вторыхъ, его собственное честолюбіе, которому будутъ льстить слова: „это отецъ молодого человѣка, который воспитывается у іезуитовъ“. Онъ исполнить свой долгъ, даже больше того—принесетъ жертву, которой сынъ его будетъ осчастливленъ, а онъ возвеличенъ въ глазахъ всѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ значительно выиграетъ въ мѣстномъ общественномъ мнѣніи. Все это было въ высшей степени соблазнительно и требовало долгихъ и серьезныхъ размышленій, потому что г. Рокъ никогда не могъ ни на что рѣшиться просто. Ему нужно было обсудить вещи всесторонне, изслѣдовать ихъ во всѣхъ направленіяхъ, приплести массу нелѣпныхъ, ненужныхъ пустяковъ, не имѣвшихъ никакого непосредственнаго отношенія къ дѣлу. Ему было отлично извѣстно до послѣдняго гроша все его состояніе, но все-таки онъ захотѣлъ снова сосчитать кассу, пересмотрѣть инвентари, провѣрить наличность своихъ доходовъ. Онъ свѣрилъ счета, подвелъ бюджетъ, воздвигъ себѣ нѣсколько неопровержимыхъ препятствій, затѣмъ самъ такъ же легко ихъ разрушилъ посредствомъ убѣдительныхъ доводовъ. Но больше, чѣмъ надежное состояніе его финансовъ, повліяли на окончательное его рѣшеніе слова священника, безпрестанно звучавшія въ его ушахъ: „А маркизы!.. Сколько ихъ тамъ! Сколько!..“ И когда онъ сталъ писать отцу-ректору коллежа, ему уже казалось, что его имя внесено въ списокъ титулованныхъ фамилій Франціи.

Но дѣло оказалось далеко не такъ просто, какъ ему показалось вначалѣ, и самолюбію его суждено было еще подвергнуться жестокимъ испытаніямъ. Преподобные отцы, въ виду процвѣтанія коллежа, принуждены были расширять свое учрежденіе; это было сопряжено съ хлопотами, и пото-

му они старались дѣлать тщательный выборъ среди кандидатовъ въ воспитанники. Принципіально они принимали въ интернатъ только сыновей дворянъ и тѣхъ, общественное положеніе которыхъ могло сдѣлать честь ихъ учрежденію. Остальныхъ—мелкую буржуазію и разночинцевъ—они обыкновенно просили „обождать“, дать имъ время подумать, а затѣмъ, подумавъ, отказывали имъ въ приѣмѣ; изъ этого правила, конечно, исключались случаи, когда къ дѣлу виѣшивалось маленькое „чудо“, о которомъ вскользь упоминалось въ объявленіяхъ. Г. Жозефъ - Ипполитъ - Эльфежъ Рокъ, хотя и слылъ въ Первеншерѣ за богача, ни въ коемъ случаѣ не могъ по своему происхожденію и состоянію считаться „привилегированнымъ“; и хотя онъ былъ церковнымъ старостой, но офиціально числился въ рангѣ „прочихъ остальныхъ“, и Себастьянъ не могъ обѣщать никакого „чуда“. Первый годъ іезуиты противопоставили настойчивымъ ходатайствамъ г. Рока многочисленныя возраженія въ вѣжливой формѣ — наплывъ желающихъ, черезчуръ юный возрастъ кандидата и еще множество другихъ уклончивыхъ причинъ. Тщеславію лавочника былъ нанесенъ жестокий ударъ. Если іезуиты откажутъ ему въ приѣмѣ сына, что будутъ о немъ думать въ Первеншерѣ? Положеніе его отъ этого, понятно, проиграетъ. И онъ уже подмѣчалъ ироническіе взгляды друзей, спрашивавшихъ у него: „Итакъ... вы, значитъ, не отдасте Себастьяна?“ Онъ отвѣчалъ сдержанно: „Вы знаете, что это только проектъ. Ничего опредѣленнаго... Я обдумываю, взвѣшиваю, выбираю... Къ тому же іезуиты... Хмъ... Я провѣряю... Боюсь, что преувеличиваютъ... Въ самомъ дѣлѣ, не преувеличиваютъ ли?“ Но въ душѣ у него былъ адъ. И бѣдному Себастьяну, вѣроятно, пришлось бы получить образованіе въ одной изъ тупоумныхъ духовныхъ семинарій или окружномъ лицейѣ, если бы отцу его не посчастливилось вспомнить и объявить во всеуслышаніе славную исторію своего рода въ періодъ революціи.

Онъ заявилъ, что въ 1786 г. графъ Плесси-Бутуаръ, обширныя владѣнія котораго занимали весь Первеншеръ и прилегавшія мѣстности, желая угодить Господу Богу, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ памятная доска чернаго мрамора,

реставрировалъ на свой счетъ приходскую церковь романскаго стиля двѣнадцатаго вѣка, прославленную великолѣпнымъ фронтономъ надъ дверью и своими изумительными аркадами. Для этой работы графъ призвалъ мастеровъ и рѣзчиковъ изъ Парижа; между послѣдними находился молодой человекъ по имени Жанъ Рокъ, родомъ изъ Монпелье, по всѣмъ вѣроятіямъ—къ сожалѣнію, это точно не установлено—потомокъ святого Рока, который жилъ и скончался въ этомъ городѣ. Этотъ Жанъ Рокъ, внѣ всякаго сомнѣнія, былъ изумительный мастеръ своего дѣла. Ему мы обязаны реставраціей двухъ капителей, изображающихъ избиеніе младенцевъ, а также фигуръ символическихъ животныхъ, украшающихъ главный входъ. Онъ поселился въ мѣстечкѣ, женился, основалъ теперешнюю фамилію Роковъ и выполнилъ различныя замѣчательныя работы; между прочимъ ему принадлежитъ клиросъ часовни Пресвятой Дѣвы, который можно видѣть въ монастырѣ Дамскаго общества христіанскаго воспитанія и который знатоки считаютъ за чудо искусства. Въ 1793 году революціонеры съ кирками и факелами въ рукахъ пытались разрушить церковь, которую защищаль Жанъ Рокъ вмѣстѣ съ немногими своими сотоварищами. Послѣ продолжительной мужественной борьбы разбойникамъ удалось захватить его въ плѣнъ; окровавленнаго, его посадили верхомъ на осла, лицомъ къ задѣ, давъ въ руки вмѣсто свѣчи хвостъ животного; затѣмъ его таскали въ такомъ видѣ по улицамъ и избивали палками. И г. Рокъ, описывая всѣ подробности трагической кончины своего предка-мученика, котораго онъ сравнивалъ съ Людовикомъ XVI, съ принцессой Ламбаль, съ Маріей-Антуанеттой, умолялъ іезуитовъ принять во вниманіе „подобное прошлое“, которому могъ бы позавидовать любой дворянинъ. Затѣмъ онъ еще добавилъ, что если бы Жанъ Рокъ не погибъ въ полномъ расцвѣтѣ своего дарованія, на что онъ даже и не жаловался, то его сынъ Робертъ Ипполитъ-Эльфежъ Рокъ, основатель торговаго дома, и Жозефъ-Ипполитъ-Эльфежъ Рокъ, его внукъ, нижеподписавшійся, не принуждены были бы прозябать, занимаясь низкимъ ремесломъ; что, несмотря на это, они всячески ста-

рались поддерживать традиціи своего предка преданностью стариннымъ вѣрованіямъ, честностью и любовью къ Богу. Затѣмъ была изложена исторія всей его жизни въ патетическомъ тонѣ, мѣстами переходившемъ въ трагикомическій: юные благородные порывы, заглушенные набожнымъ, но скучнымъ отцомъ; подневольный трудъ, который оказался несравненно ниже его способностей; преходящія радости брачной жизни; скорбь вдовства; боязнь ответственности за свои отцовскія обязанности; наконецъ надежда, которую разрушить отказъ, увидеть въ сынѣ воскресшими благородныя стремленія своей юности, бывшія схороненныя мечты, такъ какъ г. Рокъ всегда страстно желалъ служить правительству.

Эти объясненія, эти мольбы, изобилующія вводными предложеніями, затуманенныя невообразимой фразеологіей, побѣдили наконецъ сопротивленіе мягкосердыхъ отцовъ, и они великодушно согласились на слѣдующій годъ принять на себя заботы по воспитанію Себастьяна.

День, когда г. Рокъ узналъ эту вѣсть, былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ дней его жизни. Но радость его выражалась особеннымъ образомъ. При его положительномъ характерѣ, настолько серьезномъ, что никто никогда не видалъ его смѣющимся или даже улыбающимся, радость выражалась у него въ томъ, что онъ дѣлался еще серьезнѣе, при чемъ губы складывались у него такъ, точно онъ собирался плакать. Онъ началъ съ того, что вышелъ на улицу, высоко поднявъ голову, остановился у одного дома, у другого, и сталъ изумлять сосѣдей претенціозными разсказами и научными изъясненіями по поводу ордена іезуитовъ. Слушатели разѣвали рты отъ почтительнаго изумленія; они окружили его, подобострастно слушая, какъ онъ разсуждалъ о святомъ Игнатіи Лойолѣ, точно состоялъ съ нимъ въ самомъ короткомъ, личномъ знакомствѣ. Окруженный многочисленными друзьями, онъ направился сначала къ дому священника, гдѣ послѣдовалъ долгій обмѣнъ поздравленій, а затѣмъ пошелъ къ своей сестрѣ Розаліи Рокъ, старой дѣвѣ, разбитой параличомъ на обѣ ноги, сварливой злочкѣ, съ которой онъ сдѣпился на этотъ разъ серьезнѣе

обыкновеннаго по случаю радостнаго событія, которое онъ ей возвѣстилъ.

— Да, это вполнѣ въ твоемъ духѣ! — воскликнула она. — Вѣчно прыгать выше головы... Такъ я тебѣ вотъ что скажу: ты сдѣлаешь своего сына съ твоими дурацкими затѣями несчастнымъ!..

— Замолчите, старая дура!.. Вы сами не знаете, что говорите!.. Раньше чѣмъ говорить, нужно знать, что такое іезуиты... Откуда вы это можете знать?.. Вы вотъ спросите-ка лучше у священника; онъ, вѣроятно, лучше васъ это знаетъ, да! И онъ вамъ скажетъ, что іезуиты—сила, что они вертятъ самимъ папой...

— Да ты развѣ не понимаешь, несчастный болванъ, что люди просто смѣются надъ тобой, вбивая тебѣ всю эту чепуху въ голову... Прежде всего ты, вѣроятно, богачъ? Гдѣ ты нагребилъ всѣ эти деньги?

— Деньги?..

Г. Рокъ выпрямился во весь ростъ и заговорилъ еще съ большимъ достоинствомъ.

— Деньги?..—произнесъ онъ съ разстановкой. — Я ихъ приобрѣлъ моимъ трудомъ, моимъ умомъ, моими знаніями... знаніями!.. слышите вы?

Вернувшись къ себѣ въ магазинъ, г. Рокъ снялъ сюртукъ и, облекшись въ рабочій передникъ изъ сѣрой бумази, позвалъ къ себѣ Себастьяна, къ которому обратился съ высокопарною рѣчью. Будучи отъ природы краснорѣчивъ и презирая фамиллярные разговоры, г. Рокъ держалъ рѣчь не иначе, какъ заправскій ораторъ.

— Слушай меня,—приказалъ онъ,—и хорошенько запомни то, что я буду говорить, потому что это касается важнаго событія въ твоей жизни... то, что я называю—рѣшительнаго момента... Слушай хорошенько.

Онъ казался еще величественнѣе, чѣмъ всегда. Фигура его выдѣлялась на темномъ фонѣ магазина, среди желѣзнаго лома, чугунныхъ котелковъ и мѣдныхъ кастрюль, бросавшихъ на него отблески своего кухоннаго сіянія. И отъ слишкомъ размашистыхъ движеній у него выскочила сорочка въ промежуткѣ между жилетомъ и панталонами.